

Устойчивые сравнения с компонентом-ориентализмом – этносимволом Украины

И. В. КУЗНЕЦОВА*

Кафедра педагогики и методики начального образования, Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, ул. К. Маркса, д. 38, RU-428000 Чебоксары

Received: 15 March 2020 • Accepted: 10 May 2020

© 2021 Akadémiai Kiadó, Budapest

Аннотация

Неоспоримым является тот факт, что в результате многовековых исторических, культурных и соседских контактов в языки славян в довольно большом количестве проникали ориентализмы – слова, принадлежащие к разным группам тюркских, а также иранских и арабо-семитских языков. Они прочно закрепились в лексическом составе славянских языков как в своем исконном значении (соответствующем языку-оригиналу), так и в переосмысленном, по-новому интерпретированном на славянской почве. Этой теме посвящено немало лингвистических и культурологических работ. Украинский язык в этом плане не исключение.

Историческая лексикология изучает причины, время и пути проникновения и адаптации ориентальной лексики в украинском языке. Заимствования из ориентальных языков составляют значительный пласт украинской лексики. Судьба заимствований различна: они либо остались в языке-реципиенте экзотизмами, либо в результате экстралингвистических факторов усвоились им настолько, что стали символами национальной культуры. Показательна в этом плане, например, судьба ориентализмов лелека ‘аист’, кобза и сурма в Украине. Одна из частотных ассоциаций с этой страной – образ запорожского казака в широченных шароварах с неотъемлемым атрибутом – табаком.

Цель настоящего исследования – выявление семантико-функциональных особенностей ориентализмов в украинских устойчивых сравнениях. В данной статье на примере этих лексических единиц рассматривается фраземообразующий потенциал и семантико-функциональные особенности

*Corresponding author. E-mail: irinak47@yandex.ru

этих заимствований-ориентализмов, ассоциирующихся с Украиной, в составе сравнительных конструкций. Анализируются как устаревшие устойчивые сравнения, так и активно употребляющиеся в наши дни. Приводятся возможные культурологические и историко-этимологические комментарии к устойчивым сравнениям, толкуется значение компаративных оборотов и компонентов, входящих в них.

Исследование показало, что рассмотренные ориентализмы настолько прочно вошли в фонд украинского языка, что давно не воспринимаются в языке-реципиенте как чужеродный элемент, напротив, они стали этносимволами в украинской лингвокультуре, продуктивными в словообразовательном плане (это осталось за рамками статьи), функционируют в устойчивых сравнениях, в том числе образно-поэтических. Однако этномаркированность, видимо, и наложила ограничения на их фразеологический потенциал: по сравнению с ориентализмами, не ставшими маркерами украинской культуры (*барабан, базар, кавун, казан* и пр.), они фразеологически менее активны, не частотны в составе украинских устойчивых сравнений в качестве эталона, мерила действия, качества и т. д.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

языковые контакты, ориентализмы, заимствование, адаптация, украинский язык, национальные символы, фразеология, устойчивые сравнения, образ сравнения

Закономерное следствие культурных и языковых контактов славянского и ориентального (восточного) мира – взаимообогащение их словами из всех сфер жизни: материальной и духовной культуры, политики, науки и т. д., поэтому «нет и не может быть ни одного чистого несмешанного языкового целого» (Бодуэн де Куртенэ 1963: 140). История украинского народа – не исключение, она тоже тесно связана с судьбами народов Востока; итог этнокультурных связей – ориентализмы, заимствованные украинским языком непосредственно и опосредованно и в той или иной мере освоенная им. К ориентализмам относят лексемы, принадлежащие разным языкам, заимствованные в основном из алтайской группы тюркских, а также иранских и арабо-семитских языков, с которыми праориентальный язык вступил в контакт еще до 922 г.

Исследование лексики восточного происхождения в украинистике разнопланово. Анализируются лексико-семантические группы тюркизмов (Халимоненко 1995, Масенко 1972), заимствования конкретного периода (Ковалів 1964), влияние на украинский лексический фонд языков авар, булгар, угрев, печенегов, половцев, татар с указанием, от кого и в какие периоды своего развития украинский язык почерпнул наибольшее количество ориентализмов (Данилюк 2011), прошедших все этапы освоения (фонетическое, семантическое, морфологическое).

Судьба заимствований в языках-реципиентах сложилась по-разному: они остались экзотизмами или полностью усвоились, имея словообразовательные дериваты в заимствующих языках. Некоторые ориентальные лексемы настолько укоренились, что «в результате переосмысления и экстралингвистических факторов приобрели новый концептуальный смысл, став символами самобытной культуры отдельных славянских народов» (Хмельевский 2018: 118); показательна в этом плане судьба ориентализмов *лелека, кобза и сурма* в Украине. Цель нашей статьи – рассмотреть фразеообразующий потенциал и

семантико-функциональные особенности некоторых заимствований-ориентализмов, ассоциирующихся с Украиной, в составе сравнительных конструкций, которые извлечены в основном из словарей устойчивых сравнений украинского языка и сети Интернет; основной метод обработки фразеологического материала – синхронно-описательный.

Орнитоним тюркского происхождения *лелека* известен восточно- и южнославянским языкам: рус. *леклек* ‘белая цапля, *Ardea alba*’, также ‘аист’, укр. *лелека* ‘аист’, болг. *лелек*, сербохорв. *лелек*. Через тур., азерб., крым.-тат. *läiläk* ‘аист’, крым.-тат. *lägläk* (Фасмер 2: 478); в сербский и хорватский языки персизм *лелек* (*лелек*), *lejlek* (*lelek*) вошел через турецкий: «tur. *leylek* < pers. *leklek* (u ar. *takode* *läqläq*)» (Škaljic 1966: 433). Но только в украинской культуре слово стало эталоном образно-поэтических сравнений, что иллюстрируют строчки: «Облітав сердега море й землі, як лелека» (Макаровський М. Наталя або дили доли разом, 1848); «Ніч і тільки зорі за вікном, / Ніч, усе поснуло тихим сном... / Тільки сон мій так далеко / Відлетів, немов лелека...»;¹ «Ти відправилась у тишу, *наче лагідна лелека*. / Ти не бійся, моя пташко, ти поспи – я біля тебе» (Аннич О. Колискова для донечки «Лелека»);² «Дитинство, мов лелека, десь *відлітає далеко*» (Юрківський Ю. Летять лелеки);³ «Мое рід-ненесенько село, / Я за тобою так сумую. [...] Я, мов лелека, в снах своїх / *Літаю над тобою*» (Огренич Р. Ф. Мое село, 2009); «Де б я не був, а все же думками лечу в Донеччину свою. Лечу, *неначе та лелека*, дивлюс радісно кругом і шахту згадую далеку, де працював я юна-ком»;⁴ «Ми збережемо свою Батьківщину, / *Наче лелека* під вірним крилом / Ми відбудуємо сильну країну / З тими, кому зараз не все одно!» (Панасюк Х. Нас не зламає холодна байдужість);⁵ «Моя душа *немов лелека* / Моя зоря така далека / А в синім морі гуляє доля / Чому без неї така неволя?» (Шпак М. Лелеки);⁶ «Сумно, мов я в чорну хмару ввішла, я *сумую мов лелека*» (Савченко-Хмелецький 2017: 56); «Я дуже сумую, жаданий без тебе. [...] Я на тебе коханий чекаю. / Де ти? Кличу, мов біла лелека. / Загубилась у мріях, блукаю...» (Калинина-Харламова Л. Дуже скучила).⁷

Можно заметить, что тексты отражают стереотипные представления украинцев об аисте как символе странствий, любви к отчemu краю, родной земле, материнской любви, памяти сердца, женской грусти-печали без любимого, тоске. Приведем обширную цитату, иллюстрирующую символику пернатого в Украине: «[...] ми творимо загадку про людину і кажемо: „Облітав, мов лелека, усі моря і землі“ – відгадкою такої загадки-порівняння є не ти сама уся, а людина, що війжджає у пошуках щастя у далекий край, людина, що повернулася, не знайшовши щастя в далекому краю [...], ми творимо загадку про людину і кажемо: „Стойть, мов лелека, й крила опустив“, – відгадкою такої загадки-порівняння є не ти сама уся, а парубок, який ніяк не знайде собі пари, щоб одружитися, у кого одруження стойть на одному місці, як ти, біла лелека, стоїш на своєму гнізді...» (Голобородько В. Біла лелека).⁸ У всех славян счастливой приметой является гнездо аиста на доме, что отражено в укр. *Де лелека водиться, там щастя родиться*. Резюмируя, приведем слова М. С. Хмелецкого:

¹ [">http://tekstovnet.ru/17/Sofiya-Terletska/tekst-pesni-tilki-son-miy-tak-daleko-vidletiv-nemov-leleka](http://tekstovnet.ru/17/Sofiya-Terletska/tekst-pesni-tilki-son-miy-tak-daleko-vidletiv-nemov-leleka)

² <http://ukranska-psnya-leleka.brend27.ru/>

³ <https://rus-songs.ru/tekst-pesni-ju-jurkivskij-letjat-leleki-perevod/>

⁴ https://galya.ru/catd_new_page.php?id=5160132

⁵ <https://www.pisni.org.ua/songs/4291583.html>

⁶ <https://x-minus.me/track/4768/лелеки>

⁷ <https://stihy.ru/2014/07/20/931>

⁸ <https://www.ukrlib.com.ua/books/printit.php?tid=13781>

«Аист (лелека) на Украине считается священной птицей, оберегающей домашний очаг и приносящей семейное счастье и благополучие. [...] Концептуальное переосмысление это заимствование приобрело именно в украинской культуре и украинском менталитете, где оно обросло особой символикой, приметами, легендами» (ХМЕЛЕВСКИЙ 2018: 120), стало образно-поэтическим сравнением. Лексема настолько вошла в украинский язык, что употребляется для толкования малопонятных слов, например, лемк. *быцок, боцан* ‘лелека’ (ВАРХОЛ–ІВЧЕНКО 1990: 152). Тем не менее данное название птицы не стало фразеологически значимым эталоном устойчивого сравнения, характеризующегося воспроизведимостью и являющегося единицей языка как системы (в отличие, например, от лексемы *бусел*, ставшей образом сравнений во многих фразеологизмах). Словарную «прописку» получили лишь три сравнения: говорить як лелека жабу ковтає ‘некрасиво’ (ДОБРОЛЬОЖА 2020: 121); *шия як у лелеки* (ДОБРОЛЬОЖА 1997: 37); ноги як у лелеки (ДОБРОЛЬОЖА 1997: 38), ср. также со строками: «У нього ноги, як у лелеки. Худі, довгі, з довгими ступнями. [...] Андрій водить блакитними очима за нянею. І повільно випростовує худі, як у лелеки, довгі ноги».⁹

Другое слово, значимое для украинской лингвокультуры и имеющее ориентальные корни, – *козак* < тур., крым.-тат., казах., кирг., тат., чагат. *kazak* ‘свободный, независимый человек, искатель приключений, бродяга’ (ФАСМЕР 2: 158). Изначально так называли вольных людей из селян и городской бедноты, бежавших на южные земли в низовья Днепра и боровшихся против татаро-турецких и польских захватчиков, представителей Запорожской Сечи – запорожцев. Компаративизм *як козак в Лузі* (Номис 1993: 581) с семантикой ‘быть в своей тарелке, чувствовать себя как рыба в воде, как дома’ мотивирован исторически: [Великий] Луг – название низинной местности на левом берегу Днепра ниже острова Хортица, который был центром Запорожской Сечи; на территории Великого Луга и по соседству с ним располагалась Сечь; на Казатчине – это символ безопасности и воли, отчего края. Образ фразеологизма построен на том, что отсюда запорожцы делали набеги на прикордонные татарские и польские села и городки, а потом возвращались назад, в родную Сечь, и чувствовали себя здесь комфортно среди своих. Сечь для казаков – это символ матери, которая приголубит, а Луг – отца, который защитит: *Січ мати, а Великий Луг батько; Наш Луг батько, а Січ мати, – одде треба помірати* (Номис 1993: 74). Осознать образность компаративизма поможет произведение Н. В. Гоголя «Тарас Бульба».

Казаки считались отважными воинами, про их походы на татар слагались легенды и песни, что, видимо, дало жизнь фразеологизму *готов як козак до війни* ‘всегда готов’ (ЮРЧЕНКО–ІВЧЕНКО 1993: 72).

Слово зафиксировано в таких сравнениях, как *як з москаля¹⁰ козак* ‘никудышный, никакой’ (ЮРЧЕНКО–ІВЧЕНКО 1993: 96); *вискочив як голий козак з маку; вискочив (вихопився) як козак з маку* ‘неожиданно сказал глупость, совершил неразумный поступок’ (ЮРЧЕНКО–ІВЧЕНКО 1993: 72); *вискочив як козак з конопель* (з маку, із гречки) – ‘неуместность’; ‘сказал глупость’ (ДОБРОЛЬОЖА 2020: 23); *заживе як на козаку* ‘быстро, бесследно заживет’ (ЮРЧЕНКО–ІВЧЕНКО 1993: 72, ДОБРОЛЬОЖА 2003: 50); *впертий як козак* ‘очень упрямый’ (ДОБРОЛЬОЖА 2003: 50), а производное от него – в компаративизме *довга як миля козацька* ‘очень длинная, бесконечная’ (ЮРЧЕНКО–ІВЧЕНКО 1993: 92).

⁹ <http://catholicnews.org.ua/andriy-z-nogami-yak-u-leleki>

¹⁰ *Москаль* – 1. ‘великоросс’; 2. ‘солдат’ (СУМ 2: 447).

Образ запорожского казака ассоциируется с *шароварами*; укр. *шаровари*.¹¹ Через тюрк. посредство заимств. из ир. **šaravāra-* ‘штаны’ (**šaravāra-*), нов.-перс. *šālvār* – то же, откуда и греч. *σαράβαρα*, *σαράβαλλα* ‘штаны’, ср.-лат. *saraballa* (ФАСМЕР 4: 410). Персидский прототип отражен в устаревшей книжной форме *шальвары*. При заимствовании значение слова сузилось: это часть украинского народного мужского костюма (у народов Востока это элемент также и женской одежды). И, хотя шаровары – это часть национальной одежды разных восточных народов, «только на Украине они сегодня выступают в качестве национального этносимвола и отражателя украинской самобытной культуры», причем «не всей географической территории Украины, а только Поднепровья, где находились административные и военные центры украинского казачества – Сечи (для Западной Украины это уже не является этносимволом)» (ХМЕЛЕВСКИЙ 2018: 119). В настоящее время в украинской массовой культуре слово и сам предмет одежды особо актуализировались.

Особенность казацких шаровар – их ширина: «арабський мандрівник Ібн-Даст (Хет) [...] писав: „Штани носять широкі – сто ліктів матерії йде на кожні“» (ЖАЙВОРОНОК 2006: 648), ср. с описанием этих штанов особенного кроя у Н. В. Гоголя в повести «Тарас Бульба»: «шаровари, як Чорне море завишишки, з силою складок і зборок, обперезані золотим очкуром».¹² В школьных викторинах на Украине частотен вопрос: «Про яку деталь козацького вбрання казали: *широкі, як Чорне море?*». Этот отличительный признак фасона лег в основу сравнения *шаровари, мов Чорне море*.¹³ Шаровары в роли объекта сравнения мы видим в строках: «А потом – сапоги. Чоботы. Гарни, смажени. Жовты або червони. Тай *шаровари*. Блакитни, як Чорне Море, так такий же *широchenни*» (brave-friar.livejournal.com/370665.html); «Аж раптом, на п’ятому курсі приснився мені чудернацький сон, начебто усміхнена Олеся прийшла до мене на побачення з *червоними* атласними *шароварами, широкими, як Чорне море*, і подарувала їх мені» (Шейко-Медведєва Н. Містична сновидіння. Практичний сонник, 2018), в которых подчеркивается также и цвет шаровар запорожских казаков – синий и красный. Поэтому о румяном человеке в Черняховском районе Житомирщины говорят: *червоний як шаровари на козакові* (Доброльожа 2003: 93–94).

Неотъемлемым атрибутом запорожского казака была *люлька*¹⁴ – короткая курительная трубка: *Козак без люльки, як без коня*. На многих портретах, рисунках (на коне в походе, рядом с кобзой) казаки изображены с нею. Запорожцы считали люльку душою казака, своеобразным талисманом и берегли ее: гоголевский Тарас Бульба погиб лишь потому, что не захотел оставлять ее на поле боя. Не случайно люлька стала этносимволом Украины и образом таких выражений, как *Без люльки, як без жінки; За люльку й батька б проміняє; Покуримо люльки, щоб дома не журились; Люлька не куриця, мабуть дівчина журиця* и др. (НОМИС 1993: 74), однако в устойчивых сравнениях это слово не встречается.

¹¹ Такую же орфографию лексемы в украинском языке мы видим в словаре Б. Д. Гринченко (СУМ 4: 485).

¹² Очур (рус., бел. учкур < крым.-тат., тур. *ışkır*) – ‘пояс (ремешок, шнурок), стягивающий шаровары’; слово встречается в сравнении *потрібний (потрібне, треба) як очур на шию* ‘абсолютно не нужен’, связанном с украинским народным поверьем о способе обезвреживания ведьмы: очур из новых, еще не надеванных шаровар «надо освятить вместе с пасхой во время светлой заутрени», а затем, подкараулив ведьму в нечистом месте – хлеву, накинуть ей на шею очур и крепко держать, не обращая внимания на все ее превращения (ОРДОВ 1992: 119).

¹³ <http://abetka.ukrlife.org/obrazno.htm>

¹⁴ Из тур., азерб. *lülə* ‘трубка, труба’ (ФАСМЕР 2: 546).

Не частотен в качестве образа сравнения и курительный табак – *тютюн* < тур., чагат., крым.-тат., кыпч. *tütün* (ФАСМЕР 4: 138): *розуму як у (в) дурня тютюну* ‘о неумном человеке’ (ДОБРОЛЬОЖА 2003: 15, ДОБРОЛЬОЖА 2020: 18); *мне як баба вовну або Семен тютюн* ‘о человеке, который очень медленно что-либо делает’ (ЮРЧЕНКО–ІВЧЕНКО 1993: 10). Настоящий табак был очень дорогим, и казаки сеяли махорочные сорта самосада (чаще «дюбек» и «самсон»), имеющие резкий, неприятный запах и вкус, что «аж горло дере». Это обстоятельство легло в основу устойчивого сравнения *різкий як тютюн* ‘о сварливом человеке’ (ДОБРОЛЬОЖА 2003: 39). Технология приготовления тютюна была простой: высушивали листья табака и, чтобы отбить махорочный привкус, добавляли душистые травы (полынь, мяту, чабрец, валериану и др.) по вкусу. Довольно часто в курительную смесь добавляли сущеный донник лекарственный (другие названия – желтый донник, буркун желтый, молля трава, липка), ярко-желтые цветки которого имеют душисто-цветочный, сладкий и более сильный аромат, чем свежескошенная трава; рыжий цвет смеси обусловил появление компаративизма *рудий як тютюн* (АЛЕФИРЕНКО 1978), который мы видим в строках М. Стельмаха: «В досвідченого підполковника іронічно зібралися складки навколо *рудих, як тютюн, очей і повеселіо кавуноподібне, завжди насурмонене обличчя*».

Название струнного щипкового музыкального инструмента *кобза* было заимствовано запорожскими казаками у тюрков, ср. тур. *koruz* ‘разновидность гитары, арфы’, тат. *kubuz* ‘скрипка’ (ФАСМЕР 2: 268). Как видим, инструменты не имеют ничего общего, кроме названий. Со временем инструмент типа лютни с короткой шейкой стал «одним из символов украинской самобытной народной культуры. [...] Образ кобзы и кобзаря [...] увековечил и сделал узнаваемым символом Украины далеко за ее пределами [...]» Т. Г. Шевченко в своем поэтическом сборнике „Кобзарь“ (ХМЕЛЕВСКИЙ 2018: 120). Этапоном сравнения слово выступает в фразеологизме *попав наче спій лютні* ‘случайно наткнулся на что-нибудь’ (НОМИС 1993: 203) и в выражении *На речах – наче (як) на кобзі* (НОМИС 1993: 165, СУМ 2: 259, ЮРЧЕНКО–ІВЧЕНКО 1993: 138), образованном по той же структурно-семантической модели, что и *На словах, як на цимбалах; На словах, як на варганах, а на ділі, як на балабайці* (НОМИС 1993: 165); *На словах, як на гусях* (ДОБРОЛЬОЖА 2003: 67), в которой варьируются образные конкретизаторы – наименования музыкальных инструментов. Ср. с рус. *на словах как на гусях* ‘о человеке, который бойко, ловко и спаючи говорит, но в делах ненадежен’ (МОКИЕНКО–НИКИТИНА 2008: 158); *на словах [–] что (как) на гусях, а на деле [–] что (как) на балалайке* (ДАЛЬ 1: 1013, МИХЕЛЬСОН 1: 618); *на словах как на органах, а на деле – пустая волынка* ‘о человеке, который легко обещает, но редко и с трудом выполняет обещанное’ (РНПП 1958: 52); брянск. *на словах как на варганах* ‘о человеке, не способном ни на какие дела, кроме разговора’; кубан. *как на варганах (цимблях) [играть]* – 1. ‘о человеке, который умеет свободно, гладко говорить’; 2. ‘об очень болтливом, любящем поговорить, болтающем вздор человеке’ (где *варганы* – 1. ‘народный язычковый музыкальный инструмент, на котором играют губами, род губной гармоники’; 2. *орган* – ср. чеш. и др. зап.-слав. *varhany*; *цимбалы* – ‘струнный музыкальный инструмент, состоящий из деревянного ящика в виде трапеции с металлическими струнами, по которым при игре ударяют палочками или колотушками’) (МОКИЕНКО–НИКИТИНА 2008: 83, 734).

Заимствованием ориентального происхождения является и украинское слово *сурма* (< тур. *zurna*, *zurnâ* < перс. *sîrmâ*, *sîrmâ* ‘вид восточного музыкального духового инструмента, зурна’) – ‘духовой музыкальный инструмент в виде тонкой длинной деревянной трубки с продольным цилиндрическим каналом с игровыми отверстиями’, ко-

торый использовали в основном как сигнальный; «різновид козацької дерев'яної труби» (ЖАЙВОРОНОК 2006: 587): *Сурма – один із видів козацької дерев'яної труби; Козацькі сурми грали до бою* (СУМ АН 9: 854). Лексема известна русскому языку как *зурна*¹⁵‘свирель, напоминающая по звуку гобой’, или *сурна* (ФАСМЕР 4: 108) – «[турк.], перс. музыкальная трубка, дуда, оглушительно резкого звука» (ДАЛЬ 4: 640). В Белоруссии о капризном, обиженном человеке говорят: *надзъмуница як сурма* (где *сурма* – ‘відаць, сурна або зурна, усходні духовы музычны інструмент тыпу флейты’) (СБНП 2011: 415).

«Довольно часто звуки сурны можно было услышать во время проведения свадебного обряда. Однако основным применением сурны по праву следует считать ее использование в ратном деле. В седой древности сурна, сопровождаемая звучанием ударных инструментов, поднимала боевой дух Русского воинства и обращала в бегство толпы инородцев-захватчиков».¹⁶ Звук сурны, очень пронзительный и сильный, дал жизнь украинским компаративизмам [голос] дзвенить мов сурма (АЛЕФИРЕНКО 1978); гремить мов сувора сурма (Косач Ю. Золоті Ворота, 1966). Диминутивное название этого инструмента зафиксировано в сравнительных конструкциях голос як сурмонька (УНПП 1955: 153) и голос, як сурмонька, т'аля же чортова думонька (Номис 1993: 165). Лексема встречается также и в индивидуально-авторских сравнениях: «Сліпили очі мідні коновки, довгі, як сурми, на плечах суворих сільських татар, що грубим, сердитим голосом, немов дрова рубали, хвалили своє молоко» (Коцюбинський М. Під мінаретами, 1904).

Анализ показал, что рассмотренные ориентализмы прочно вошли в фонд украинского языка и давно не воспринимаются в языке-реципиенте как чужеродный элемент, напротив, они стали этносимволами в украинской лингвокультуре, продуктивны в словообразовательном плане (это осталось за рамками статьи), функционируют в устойчивых сравнениях. Однако этномаркированность, видимо, и наложила ограничения на их фразеологический потенциал: по сравнению с ориентализмами, не ставшими маркерами украинской культуры (*барабан, базар, кавун, казан* и пр.), они фразеологически менее активны, не частотны в составе устойчивых сравнений в качестве эталона, мерила действия, качества и т. д.

ЛИТЕРАТУРА

- АЛЕФИРЕНКО 1978 = АЛЕФИРЕНКО Н. Ф. *Структурно-семантический анализ компаративных фразеологизмов современного украинского языка*. Дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1978.
- Бодуэн де Куртенэ 1963 = Бодуэн де Куртенэ И. А. *Избранные труды по общему языкознанию*. Т. 2. Москва: «Издательство АН СССР», 1963.
- ВАРХОЛ-ІВЧЕНКО 1990 = ВАРХОЛ Н., ІВЧЕНКО А. *Фразеологічний словник лемківських говірок Східної Словаччини*. Пряшев: «Відділ української літератури», 1990.
- ДАЛЬ = ДАЛЬ В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 1–4. Москва: «Прогресс», 1994.
- ДАНИЛЮК 2011 = ДАНИЛЮК Н. М. Орієнталізми в українській мові. Ученые записки Таврійского национального университета им. В. И. Вернадского. Сімферополь, 2011. № 2. Ч. 2. 408–412.

¹⁵ Слово известно в такой форме русским говорам Азербайджана, обозначая восточный духовой инструмент (дудка с пищиком). Азерб. *зурна* (СРОГА 2006).

¹⁶ <https://www.slavyarmarka.ru/tv-surna>

- ДОБРОЛЬОЖА 1997 = ДОБРОЛЬОЖА Г. М. *Ідеографічний словник поліських народних порівнянь з компаративними об'єктами – назвами тварин*. Київ: «Волинь», 1997.
- ДОБРОЛЬОЖА 2003 = ДОБРОЛЬОЖА Г. *Красне слово – як золотий ключ. Постійні народні порівняння в говірках Середнього Полісся та суміжних територій*. Житомир: «Волинь», 2003.
- ДОБРОЛЬОЖА 2020 = ДОБРОЛЬОЖА Г. *Етноконцептний словник постійних народних порівнянь поліських і суміжних говірок*. Житомир, 2020.
- ЖАЙВОРОНОК 2006 = ЖАЙВОРОНОК В. В. *Знаки української етнокультури. Словник-довідник*. Київ: «Довіра», 2006.
- КОВАЛІВ 1964 = КОВАЛІВ П. *Лексичний фонд літературної мови Київського періоду X–XIV ст. Запозичення*. Т. 2. Нью-Йорк: «Наукове товариство ім. Т. Шевченка», 1964.
- МАСЕНКО 1972 = МАСЕНКО Л. Т. З гідронімії тюркського походження басейну Південного Бугу. *Структурні рівні мови і методи їх дослідження*. Київ: «Наукова думка», 1972. 139–142.
- МИХЕЛЬСОН = МИХЕЛЬСОН М. И. *Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии*. Т. 1–2. Москва: «Терра», 1994.
- МОКІЕНКО–НИКІТИНА 2008 = МОКІЕНКО В. М., НІКІТИНА Т. Г. *Большой словарь русских народных сравнений*. Москва: «ОЛМА Медіа Груп», 2008.
- НОМИС 1993 = НОМИС М. (ред.) *Українські приказки, прислів'я і таке інше*. Київ: «Либідь», 1993.
- ОРЛОВ 1992 = ОРЛОВ М. А. *История сношений человека с дьяволом*. Москва: «Республика», 1992.
- РНПП 1958 = *Русские народные пословицы и поговорки*. Сост. А. Жигулев. Москва: «Московский рабочий», 1958.
- СБНП 2011 = *Слоўнік беларускіх народных параднанняў*. Мінск: «Беларуская навука», 2011.
- СРОГА 2006 = ГУЛІЕВА Л. Г. и др. *Словарь русского островного говора Азербайджана*. Изд. 2-е, доп. Баку: «Издательство Бакинского ГУ», 2006.
- СУМ = *Словарь української мови*. Т. 1–4. Упор. Борис Грінченко. Київ, 1907–1909.
- СУМ АН = *Словарь української мови*. Т. 1–11. Інститут мовознавства АН УРСР. За ред. І. К. Білодіда. Київ: «Наукова думка», 1970–1980.
- УНПП 1955 = *Українські народні прислів'я та приказки*. Київ: «Видавництво Академії наук Української РСР», 1955.
- ФАСМЕР = ФАСМЕР М. *Этимологический словарь русского языка*. Т. 1–4. Москва: «Прогресс», 1986–1987.
- ХАЛИМОНЕНКО 1995 = ХАЛИМОНЕНКО Г. І. *Тюркізми у професійно-виробничій лексиці української мови*. Ч. 2. *Лексика вівчарства*. Київ: Київський університет, 1995.
- ХМЕЛЕВСКИЙ 2018 = ХМЕЛЕВСКИЙ М. С. Концептуальное переосмысление тюрканизмов, ставших национальными символами славянских народов. В кн.: *Межэтническое взаимодействие в поликультурном образовательном пространстве: проблемы языкового взаимодействия и межкультурной коммуникации*. Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет, 2018. 118–124.
- ЮРЧЕНКО–ІВЧЕНКО 1993 = ЮРЧЕНКО О. С., ІВЧЕНКО А. О. *Словник стійких народних порівнянь*. Харків: «Основа», 1993.
- САВЧЕНКО–ХМЕЛЕВСКИЙ 2017 = САВЧЕНКО А., ХМЕЛЕВСКИЙ М. «Над кем смеетесь?», или о специфике создания комического в украинском языке (на примере романа О. Черногуза «Аристократ из Вапнярки»). *Językoznawstwo* 11 (2017): 53–66.
- ŠKALJIĆ 1966 = ŠKALJIĆ A. *Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku*. Sarajevo: Svetlost, 1966.

IRINA VLADIMIROVNA KUZNETSOVA

Department of Pedagogy and Methodology, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University
(Cheboksary)

Stable Comparisons with Oriental Components – Ethnic Symbols of Ukraine

It is an undeniable fact that as a result of centuries of historical, cultural, and neighbourly contacts, Orientalisms penetrated the languages of the Slavs in quite large numbers. They are firmly fixed in the lexical structure of Slavic languages both in their original meaning (corresponding to the original language) and in a sense reinterpreted on Slavic soil. Numerous linguistic and culturological works are devoted to this topic. The Ukrainian language is no exception in this regard.

Historical lexicology studies the causes, time, and ways of penetration and adaptation of Orientalisms in the Ukrainian language. Borrowings from Oriental languages make up a significant layer of the Ukrainian vocabulary. The fate of borrowings varies: they either remained exoticisms in the recipient language or as a result of extralinguistic factors, they were assimilated so much that they became symbols of national culture. For example, the fate of Orientalisms *leleka* ‘stork’, *kobza*, and *surma* in Ukraine is indicative in this regard. One of the frequent associations with the country is the image of Zaporozhian Cossacks in wide bloomers with an integral attribute – tobacco.

The purpose of this study is to identify the semantic and functional peculiarities of the Ukrainian Orientalisms in comparison. In this paper, using the example of these lexical units, we consider the phrase-making potential as well as the semantic and functional features of these borrowed Orientalisms associated with Ukraine, as part of comparative constructions. The paper deals with both outdated similes and those that are actively used nowadays. In addition to this, the author gives possible culturological, historical, and etymological comments to similes, showing the meaning of phraseological units and components that are parts of similes.

The study demonstrates that the analyzed Orientalisms have been so firmly established in the foundation of the Ukrainian language that they are not perceived in the recipient language as foreign elements. On the contrary, they have become ethnic symbols in Ukrainian linguistic culture, they are productive in derivational terms (the paper does not deal with this question), and operate in stable comparisons, including imagery and poetry. However, their ethnosymbolic features, apparently, have imposed restrictions on their phraseological potential: in comparison with Orientalisms that have not become markers of Ukrainian culture (*baraban*, *bazar*, *kavun*, *kazan*, etc.), they are phraseologically less active, not frequent as part of stable comparisons referring to a standard, measure of action, quality, etc.

Keywords: language contacts, Oriental loanwords, adaptation, Ukrainian language, national symbols, phraseology, stable comparisons, the basis of comparison

